

А.В.Батулина

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВРЕМЕНИ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ
А.Е.БОВИНА «XX ВЕК КАК ЖИЗНЬ. ВОСПОМИНАНИЯ»)**

Статья посвящена описанию представления семантического поля «Время» в мемуарах советского и российского журналиста А.Е.Бовина. Выделены четыре смысловые зоны, входящие в состав семантического поля времени: «Циклическое время», «Линейное время», «Личное время» и «Социальное время». Показана особая значимость в структуре анализируемого поля социального времени. В пределах каждой зоны охарактеризованы ядро, центр и периферия, определены особенности семантики единиц времяобозначения. Сделан вывод об антропоцентрическом характере значения лексем темпоральной семантики, являющихся не столько средством обозначения возрастных состояний или временных отрезков определенной длительности, сколько средством указания на периоды, отмеченные теми или иными событиями общественно-политической жизни или социальной активностью автора. Отмечено пересечение семантического поля времени с семантическими полями «Работа», «Память», «Жизнь», «Смерть».

Ключевые слова: семантическое поле «Время», темпоральность, мемуары

Актуальность изучения языковых репрезентаций категории *времени* в различных функциональных типах текстов обусловлена в первую очередь универсальным характером этой категории и частотностью ее репрезентаций в речи: по данным словаря «Система лексических минимумов современного русского языка», лексемы *время, час, год, день, сегодня, вчера* входят в список 500 самых важных русских слов [1].

Поскольку семантическое поле является и категорией теоретической семантики, и методом описания языковых и речевых единиц, «в последнее время значительно обострился интерес к синтагматике семантического поля..., к исследованию закономерностей реализации его единиц в тексте» [2].

Объектом описания в данной статье является семантическое поле времени в мемуарах советского и российского журналиста А.Е.Бовина «XX век как жизнь. Воспоминания» [3]. Материалом исследования послужили лексемы с темпоральным значением, содержащие сему «время» или ее синонимы. При анализе лексического материала использовались данные Русского семантического словаря (далее — РСС) [4].

Языковые единицы темпоральной семантики в тексте распределяются по 4-м смысловым зонам: «Циклическое время», «Линейное время», «Личное время» и «Социальное время». Как показал наш анализ, значимость указанных лексико-семантических групп (далее — ЛСГ) неодинакова.

Языковые единицы с семантикой сезонных, годовых, суточных ритмов (*весна, лето, зима, осень, день, ночь, сумерки, вечер* и их производные), входящие в ЛСГ «Циклическое время», как нам представляется, лишены того символического значения и ассоциативного ряда, которое они имеют в художественной литературе или в фольклорных произведениях: «Летом выступали на пленэре: энергично осваивали Подмосковье и даже прихватывали соседние области... В осенне-зимний период кочевали по родственникам» [3, с. 68].

Указанные лексемы преимущественно употребляются совместно с номинациями линейного или социального времени при обозначении общественно значимых событий: «Большие круги вызвал материал “С Кораном и саблей...”», опубликованный в “Неделе” в сентябре 1979 года» [3, с. 241].

Ядро ЛСГ «Линейное время» образуют единицы *век, год, месяц, неделя, день, ночь, сутки, минута* и под., которые в РСС отнесены к подклассу «Единицы измерения времени, исчисления временных отрезков» [4, с. 46]. Календарное время в тексте преимущественно обозначается субстантивным словосочетанием, построенным по схеме: *порядковое числительное + год или век*: «Овощей, фруктов и цветов больше, чем в Москве (октябрь 1986 года)» [3, с. 261].

Реже употребляется формула: *начало / середина / конец или первая / вторая половина + год, название времени года + год*, субстантивированные числительные (*восьмидесятые, девяностые* и др.): «Уже к концу 80-х наша экономика, наш социализм стали жертвой группы «А». Раздавила нас эта группа. К сожалению, в начале 70-х этот трагический конец не был виден» [3, с. 200].

Лексемы *день, год* в анализируемом тексте многозначны: они реализуются как в прямом значении: *день* — «Сутки, промежуток времени в 24 часа» [5], *год* — «...период времени в двенадцать месяцев» [5], так и в переносном: *день* — «Время, пора, период» [5], *год* — «Период времени, охватывающий некоторое количество лет» [5]: «С высоты сегодняшнего дня многое в этой бумаге выглядит наивно. Но ведь в завтрашнем дне живут только гении и боги» [2, с. 362]; «В те романтические, пионерские годы слово “дальневосточник” звучало почти как “орденоносец”» [3, с. 15].

Менее частотны лексемы *столетие, десятилетие* и сложные слова — производные от названий *времяисчислений*: *полвека, четырехдневный, двухнедельный* и под.

В тексте мемуаров языковые единицы, указывающие на линейное время, обозначают прежде всего не временные отрезки как таковые, а происходящие в соответствующие периоды события личной или

общественно-политической жизни. Антропоцентрический характер восприятия времени отмечается исследователями: «Осознание «времени жизни» происходит по событиям, его заполняющим, а не по каким-либо физическим параметрам» [6].

О неразрывной связи временного периода определенной длительности и происходящих в этот период событий свидетельствует и неоднократно встречающаяся в тексте метафора *речевая система координат* («речь на праздник, речь на пленум, речь на съезд...» [3, с. 230]), появление которой связано с деятельностью автора по подготовке речей для высшего руководства страны: «Если принять за основу речевую систему координат, то 1965 год — это прежде всего год 20-летия Победы» [3, с. 123].

В приядерной зоне ЛСГ «Линейное время» находятся лексико-семантические варианты, связанные с доминантой поля по вторичным семантическим функциям (*дело, процесс, перемены, командировка, каникулы, отпуск, отдых, сочинение партийных текстов* и под.). Например, *отпуск* — 2. «Освобождение от работы, службы на определённый срок для отдыха и других целей» [5]; *жизнь* — 4. «Время, период существования от рождения до смерти» [5]; «С опозданием в полжизни штудирую “Открытое общество” К.Поппера» [3, с. 511].

В ряду номинаций занятий автора, которым он посвящает свое время, наиболее значимыми являются речевые действия, прежде всего — чтение и сочинение текстов: «Главное же мое дело — политический анализ, работа с бумагой, с документом, с текстом» [3, с. 254].

Таким образом, единицы лексико-семантического поля «Время» пересекаются с единицами лексико-семантических полей «Жизнь», «Работа», «Отдых».

В ядерную зону ЛСГ «Личное время» входят единицы, содержащие архисему «время», которые обозначают возрастные состояния: *детство, молодость, молодой, зрелость, зрелый, старость, старый, почтенный возраст, возмужание* и др. Как показывают контексты, для номинации собственно биологического возраста используются словосочетания со словом *возраст*: «К сожалению, с каждым годом людей в лесу Красной Армии собирается все меньше, а возраст их все больше» [3, с. 496].

Лексемы данной ЛСГ преимущественно употребляются для указания не на возрастные состояния, а на сопутствующие этим состояниям события личной или (чаще) общественной жизни автора: «Мы были еще слишком молоды, когда случился XX съезд партии. И поэтому не могли превратить «оттепель» в весну. Мы были уже слишком старыми, когда началась перестройка. И поэтому, вытаскив перестройку, вытаскив демократию и гласность, мы не смогли предотвратить развал и хаос» [3, с. 228].

В анализируемом тексте актуализируется прагматический план лексического значения лексем, обозначающих возраст: оптимистическое/пессимистическое отношение к жизни, наличие / отсутствие опыта, уверенности в себе и др. Так, детство — это счастливое, беззаботное время: «Хорошо быть мальчишкой. Не было страха. Не переживалась трагедия. Наказывали врагов народа — и правильно делали. А мы не враги, чего нам бояться» [3, с. 17].

Юности свойственна самонадеянность, легкомысленное отношение к жизни: «Кто в девятнадцать лет думает о карьере?» [3, с. 32]; «Мальчишеская голова, заполненная совершенно другими проблемами, отталкивала все эти тайные шепоты, не задумываясь над ними. Теперь мне шел уже двадцать второй год. Теперь я уже начал думать» [3, с. 33].

Молодость — пора приобретения жизненного опыта: «Казалось, что опыта не хватает. Только что перевалил за 25-летие» [3, с. 45]; «Бег с препятствиями начался сразу, но я уже не был мальчиком из Горького. Пробылся в отдел науки МГУ и потребовал вмешаться и навести порядок» [3, с. 47].

Зрелость ассоциируется у автора с определенными достижениями, сохранением оптимистического отношения к жизни: «Впереди — третья молодость. <...> И, значит, время, когда люди могли судить, чему я научился, что я хочу и могу делать. Время, когда жизнь уже не была сплошь голубой и зеленой, но яркие краски еще преобладали» [3, с. 230].

Старость — время подведения итогов, надежда на бессмертие: «И еще одно соображение, выдающее мой уже почтенный возраст. Для атеиста, неверующего, безбожника написанная им книга, а тем более автобиографическая книга — это своего рода пропуск в бессмертие» [3, с. 8].

Особую значимость для автора в ряду обозначений индивидуального времени имеет лексема *молодость*, вынесенная под соответствующим номером в название каждой из пяти глав автобиографии. В метаязыковом комментарии в преамбуле к последней — пятой — главе, А.Е.Бовин обосновывает употребление слова *молодость* в названии глав, описывающих почтенный возраст, так: «И какой-нибудь нудный пессимист... обязательно станет травить душу, доказывая, что нет и не может быть никакой «пятой» молодости, а есть самая обычная первая старость. <...> Жизнь, к счастью, игра. Можно играть больных и старых.... Можно играть здоровых и молодых. <...> Это — мой вариант» [3, с. 534].

С актуализируемой лексемой *молодость* смыслом «об активных, неравнодушных, восприимчивых к новому (необязательно молодых) людям» связана и часто встречающаяся в тексте номинация *шестидесятники*, которую автор применяет и к себе: «Мы, шестидесятники, не смогли остановить волну “застоя”» [3, с. 507].

Представляется, что авторское словоупотребление отчасти совпадает с традиционной языковой коннотацией соответствующих лексем, отраженной в устойчивых атрибутивных сочетаниях со словами — обозначениями возрастных периодов: *розовое, беззаботное, золотое детство, нежный возраст, зеленый юнец* и др., отчасти — отличается от общеязыкового. Индивидуально-авторским можно считать актуальное значение слова *молодость* и его антонима *старость*, характеризующих внутреннее состояние человека независимо от биологического возраста.

В приядерную зону группы «Личное время» входят единицы обстоятельственной семантики, содержащие, помимо темпоральных, дифференциальные семы, характеризующие социальную активность автора: *после школы, в аспирантуре, в университете, на третьем курсе* и др.

Таким образом, ЛСГ «Личное время» в автобиографии А.Е.Бовина пересекается с группой «Социальное время», поскольку номинирующие биологический возраст единицы одновременно указывают на сферу занятий автора. Не случайно композиция автобиографии также отражает не изменение возрастных состояний, а социальную активность автора: смену деятельности или перерыв в ней.

В тексте единичны случаи упоминания точных дат личной биографии, причем исключительно тех, которые имеют общественное значение: несколько раз встречается дата рождения и юбилейные даты. В конце книги появляется словосочетание *мемуарное время*, обозначающее родовое по отношению к личному времени понятие: «Здесь вполне была бы на месте хронологическая точка. Мемуарное время кончилось» [3, с. 649].

Центральное место в структуре лексико-семантического поля времени занимает ЛСГ «Социальное время». А.Е.Бовин, давая определение слову *биография*, использует лексему *время* в значении, связанном с социальной жизнью: ... биография — это время, в которое она погружена, интереснейшее время [3, с. 7]. Социальное время не представлено в РСС как отдельный подкласс — выделяются лишь «Промежутки времени, измеряемые, исчисляемые от какого-нибудь события, даты. Общие обозначения» (*годовщина, юбилей* и др.), «Разные годовщины» (*восьмидесятилетие, девятосотлетие* и др.), «Эпохи, периоды в жизни человечества» (*неолит, античность* и др.), «Эпохи, периоды в истории земли» (*кайнозой, период* и др.) [4, с. 46-60]. Представляется целесообразным выделить «Социальное время» в отдельную ЛСГ, объединив в нее лексемы, в которых объективируются события, происходящие в социуме в определенный период, отражается динамика политической, экономической и культурной жизни страны: *пятилетка, «оттепель», застой, Октябрьская революция, эпоха всеобщей грамотности, XVIII съезд комсомола, Пражская весна* и под.

В ядерную зону данной группы входят словосочетания с главным словом *время* или его синонимом *эпоха* в значении «Период, эпоха в жизни общества, народа» и атрибутивным распространителем: *дореволюционные / застойные / сталинские / хрущевские / горбачевские* и др. *времена*. В качестве производящей основы для номинаций социального времени используются яркими коннотациями антропонимы — имена руководителей страны — и отглагольные существительные — названия характерных процессов, происходивших в общественно-политической жизни: *застой, перестройка, «оттепель», время перемен*. Употребляются и вторичные производные от данных лексем: *постперестроечные занятия журналистикой, предперестроечное время, послехрущевское руководство*.

В большинстве контекстов номинации различных периодов социальной жизни лишены коннотативного содержания: «Ныне модно изображать советские времена сплошь в мрачных тонах. Страна тонет в тени ГУЛАГа. КГБ — это “наше все”. <...> Но так не было и не бывает» [3, с. 7-8]; «”Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны”, — так сказал Мандельштам. Классический пример — слово “перестройка”. Однако исследование смыслов, которые “торчат” из пережитой нами перестройки, не входит в мою задачу. Я пользуюсь словом “перестройка”, чтобы обозначить горбачевское время» [3, с. 371].

Исключение составляют упоминания XX съезда: «XX съезд был вершиной его (Хрущева — А.Б.) политического творчества. И не просто вершиной, а одним из Эверестов истории XX века» [3, с. 111].

Отрицательной коннотацией наделены времяобозначения, репрезентирующие реалии конца XX — начала XXI века (*эпоха всеобщей грамотности, новые времена, ядерный век*):

«Новые времена в “Известиях” внешне проступали обшарпанностью здания, грязью в туалетах, неработающими лифтами и всякими другими мелочами, каждая из которых — пустяк, а вместе они раздражали, сбивали с рабочего настроения» [3, с. 546]; «Чудовищный, насквозь коррумпированный бюрократический монстр — куда там “застойным временам”!» [3, с. 537].

К ядерной зоне рассматриваемой ЛСГ принадлежит и обозначение социального времени посредством указания на номер съезда или пленума партии, а также предложно-падежные сочетания темпоральной семантики: *после пленума, перед съездом, после съезда, после опубликования статьи*: «После октябрьского (1964) пленума зашевелились не только сталинисты. Зашевелились и шестидесятники, нажимая на необходимость демократизации по всем азимутам» [3, с. 179].

Время, эпоха как обозначение внешнего по отношению к человеку социального времени может быть противопоставлена времени личному: «Эпоха была трудной. Детство было счастливым» [3, с. 18].

Использование номинаций социального времени для обозначения временных отрезков определенной протяженности (линейного времени) также свидетельствует о значимости ЛСГ «Социальное время»: «Впереди — до окончательного выхода из-за кулис — были два партийных съезда, Конституция, текущие речи и три генеральных секретаря» [3, с. 289].

Широко представлены в ядерной зоне анализируемой ЛСГ номинации, связанные с культурной жизнью страны, прежде всего — юбилейные даты. Многие из юбилейных дат имеют отношение к «речевой системе координат»: «Следующий, 1967 год в речевой системе координат был годом юбилейным, годом 50-летия Октября» [3, с. 142]; «Вместе с тем уже в декабре был объявлен сбор на даче Горького для составления развернутого плана доклада, посвященного 100-летию В.И.Ленина» [3, с. 177]; «Но в Волынское я был вызван для сочинения речи, посвященной 250-летию Академии наук» [3, с. 289].

Таким образом, центральное место в структуре семантического поля времени в анализируемом мемуарном тексте занимает ЛСГ «Социальное время». Номинации личного, календарного и линейного времени преимущественно являются средствами вербализации периодов, связанных с событиями общественно-политической жизни.

1. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков: от 500 до 5000 самых важных русских слов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 47-52.
2. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2011. № 2. С. 9.
3. Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2017. 654 с.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов [Электр. ресурс]. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 23.05.2021).
6. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. С. 85-86.

References

1. Sistema leksicheskikh minimumov sovremennogo russkogo yazyka: 10 leksicheskikh spiskov: ot 500 do 5000 samykh vaznykh russkikh slov [System of lexical minimums of the contemporary Russian language: 10 lexical lists: from 500 to 5 000 of the most important Russian words]. Moscow, 2003, pp. 47-52.
2. Novikov L.A. Eskiz semanticheskogo polya [Sketch of the semantic field]. Vestnik RUDN, Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika series, 2011, no. 2, p. 9.
3. Bovin A.E. XX vek kak zhizn'. Vospominaniya [Memories]. Moscow, 2017. 654 p.
4. Russkiy semanticheskii slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy [Russian Semantic Dictionary. An explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings]. Vol. 3. Moscow, 2003. 720 s.
5. Kuznetsov S.A., ed. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Large Dictionary of Russian Language / Ed. by S.A.Kuznetsov]. St. Petersburg, 1998. Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (accessed: 23.05.2021).
6. Yakovleva E.S. Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya) [Fragments of the Russian linguistics worldview (models of space, time, and perception)]. Moscow, 1994, pp. 85-86.

Batulina A.V. The semantic field of time in memoir prose (based on the material of A.E.Bovin's memoirs "The twentieth century as life. Memories"). The article is devoted to the description of the representation of the semantic field "Time" in the memoirs of the Soviet and Russian journalist A.E.Bovin. There are four semantic zones that are part of the semantic field of time: "Cyclic time", "Linear time", "Personal time" and "Social time". The special significance in the structure of the analyzed field of social time is shown. Within each zone, the core, center and periphery are characterized, the features of the semantics of time units are determined. The conclusion is made about the anthropocentric nature of the meaning of the lexemes of temporal semantics, which are not so much a means of indicating age states or time periods of a certain duration, as a means of indicating periods marked by certain events of socio-political life or social activity of the author. The intersection of the semantic field of time with the semantic fields "Work", "Memory", "Life", "Death" is noted.

Keywords: lexico-semantic field "Time", temporality, memoirs.

Сведения об авторе. Анна Валерьевна Батулина — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001-6341-5965; b.av@bk.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 16.08.2021. Принята к публикации 01.09.2021.

Ссылка на эту статью: Батулина А.В. Семантическое поле времени в мемуарной прозе (на материале мемуаров А.Е.Бовина «XX век как жизнь. Воспоминания») // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 5(38). С. 542-545. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).542-545

For citation: Batulina A.V. The semantic field of time in memoir prose (based on the material of A.E.Bovin's memoirs "The twentieth century as life. Memories"). Memoirs of NovSU, 2021, no. 5(38), pp. 542-545. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).542-545